

Ведущий зачитывает текст, ребята изображают персонажей (выделены жирным шрифтом), выполняют соответствующие действия.

Фрагмент 1

Карроинги зевнул, широко открыв рот. Снова закрыл его. Он подумал: пройтись, что ли, до конца двора? Сотни раз он уже проделывал этот путь – нет, тысячу! – а что ещё ему было здесь делать?

Карроинги остановился, чтобы попить из корытца: опустил клюв в свежую воду, потом запрокинул голову, чтобы вода могла медленно пройти в горло.

В соседней клетке слышалось движение. Там находился его двоюродный брат – **африканский страус**. Он высоко взмахивал крыльями. Карроинги не мог так: ведь у него не было крыльев или, вернее, были, но очень маленькие.

Карроинги поднял голову, повернул её в одну сторону, в другую, вытянув свою длинную, покрытую голубой кожей шею. Калитка в дальнем конце двора отворилась. Вошёл **сторож** с ведром и тяжёлой метлой в руках. На нём была потрёпанная соломенная шляпа. Из ведра он вылил жидкую овсяную кашу. Затем пошёл в конец двора и принялся подметать, громко насвистывая.

Красный предмет привлёк внимание Карроинги. Предмет поднимался вверх и вниз. С горящими глазами и вытянутой вперёд шеей смотрел не него Карроинги.

Вдали стояли **женщина** и **две** маленькие **девочки**. Одна из девочек держала красный воздушный шар. Карроинги не сводил глаз с шара.

Одна из девочек бросила ему жёлтое яблоко, другая – леденец и бисквиты. Карроинги тут же нагнулся, съел бисквиты, леденец не тронул, а яблоко, прежде чем проглотить, разломил клювом на кусочки.

Девочки ушли, унеся с собой красный воздушный шар...

Фрагмент 2

Взрослые эму и кое-кто из подростков, родившихся ещё в прошлый сезон, учили младших всё видеть и слышать вокруг. Это было не так уж трудно, так как маленьких эму интересовало всё. И, конечно, всем молодым эму хотелось скорее научиться по-настоящему бить крыльями, как это делали их родители, в особенности отцы, но только самым старшим это удавалось.

Одним из занятий был туалет. Каждый молодой эму должен был научиться так вытягивать шею и поворачивать голову, чтобы уметь доставать любую часть тела и своим твердеющим, но всё ещё очень нежным клювом зарываться в перья и выщипывать их ритмичными движениями.

Лето было в разгаре. Появилось много кузнечиков, и Карроинги вместе со своими братьями и сестрами развлекался, охотясь за ними. Наконец поспел и дикий инжир, и эму постоянно бродили под густыми, широкими кронами фиговых деревьев с их длинными серыми ветвями, склонявшимися до самой земли и предлагавшими свои маленькие круглые плоды, наполненные семенами.

Когда молодые эму уставали, они, подогнув колени, опускались на землю и лишь изредка приподнимались, чтобы подхватить клювами с земли что-либо съедобное. Но если вдруг по равнине разносился чей-нибудь крик – птицы, ящерицы или кенгуру, – они тут же вскидывали головы, поворачивали их то в одну сторону, то в другую, чтобы всё видеть и слышать: голова поворачивалась в одну сторону, в другую, и вот они уже снова стоят на своих сильных ногах.

Фрагмент 3

Когда сумерки окрасили ставшие совсем голыми ветви в ярко-розовый цвет, Пушистые Ушки, **мама** Ушастика, уловила внизу под деревом какой-то еле слышный звук. Будто кто-то тихо-тихо ступал по сухим листьям на земле.

Вглядевшись, Пушистые Ушки рассмотрела под тенистым кустом тёмно-зелёной медуницы рыжевато-коричневый хвост **лисы**, которая будет терпеливо ждать, не спустится ли с дерева какой-нибудь глупый малыш.

О своих опасениях она поведала **соседке**-коале. Вдвоём они поохали-поохали и отправились кормить **Ушастика**. А **Лежебока** взялся сам следить за лисой, пока не заснул.

На следующий день зверь опять сидел под кустом медуницы и, облизываясь, поглядывал вверх, надеясь, что кто-нибудь из коал спустится. И коалы не слезали с дерева ещё день, ещё ночь, и так целую неделю. К тому времени листьев на дереве почти не осталось. Коалы голодали. Ушастик плакал и просил есть, и все его успокаивали.

Затем дня два лисы не было видно. Лежебока проснулся и решил, что пора отправляться в путь. Коалы поочерёдно спускались (животом к стволу) с большого дерева. На полпути у мамы Пушистые Ушки зачесалось в боку. Вот беда-то! Она остановилась, вонзила когти левой задней лапы глубоко в кору и, закинув правую, презабавно почесала ею левый бок.

Сидя у мамы на спине, юный Ушастик видел всё это, и ему тоже, конечно, захотелось почесаться. Вот он и потянулся одной из задних лап к мордочке, в то время как другой крепко вцепился в мать. Он дотянулся до того места, которое чесалось, и с удовольствием поскрёб его.

Фрагмент 4

Ему уже было девять или десять месяцев от роду, а он по-прежнему большую часть времени проводил у матери на груди или на спине. И вот однажды он решился действовать самостоятельно. **Мама** заснула, **Ушастик** слез с её спины и пополз вверх по ветке. Дул **лёгкий ветерок**, **листья** потихоньку перешёптывались друг с другом.

Он упорно полз вперёд в полной уверенности, что доберётся до **грозди махровых желтовато-белых цветов**. Мать проснулась и поползла было за ним.

– Ушастик! Тэч, тэч! Вернись! Остановись! Ты слышишь, что я тебе говорю?

И вдруг Ушастик стало страшно. **Горячий ветер** налетел на дерево, закачал его ветви. **Листья** заволновались, затрепетали. Ушастик обернулся. Крак! Хрустнула под ним ветка. Он успел лишь перевернуться и – плюх! – ударился оземь.

Несколько секунд он лежал неподвижно на сухой земле, раздумывая, не пришёл ли ему конец. Разумеется, он ушибся, но встал и заковылял к подножию дерева. Мать, спустившаяся за ним вниз, подхватила его на руки и быстро-быстро полезла наверх. Вскоре они очутились у себя на ветке.

Не говоря ни слова, мама повернула Ушастика к себе спиной и как следует, не жалея собственной лапки, его нашла. Со стороны это, наверное, выглядело смешно, но Ушастик было не до смеха. Он кричал и плакал, как маленький ребёнок.

Потом вдруг она перестала его шлёпать, позволила влезть к ней на спину, потянулась к листьям и безмятежно принялась их жевать. Она знала, что Ушастик получил хороший урок. Больше он никогда не упадёт с дерева.

Фрагмент 5

В один прекрасный, золотой от солнца день **Сарли** наконец отправилась в путь. Она плыла без передышки долгие часы. Назавтра она уже не так торопилась, пробуя по

дороге водоросли. Иногда она плыла под водой и каждые несколько минут поднималась глотнуть свежего воздуха.

На третий день мимо Сарли проплыл гигантский **скат** – плоская, треугольная рыбина, в десятки раз больше её самой. Существо на вид устрашающее, хотя, чего Сарли не знала, не очень для неё опасное.

На четвёртый день, лениво покачиваясь на волнах, Сарли с удивлением заметила, что в миле от неё вскинулось чьё-то громадное тело и тотчас вновь ухнуло в море. Сарли решила, что это, должно быть, **кит**. Неведомая тварь снова и снова подпрыгивала вверх, всё выше и выше, и тяжело шлёпалась в воду, а Сарли издали смотрела на неё.

На пятый день мимо Сарли проплыли **две** большущие **рыбины**, безобразные, с огромными жадными пастьями.

Но самое интересное зрелище представилось её взору на шестой день. Случилось это в более мелких водах. Здесь резвилось стадо дюгоней – морских коров; они весело выскакивали из воды, иные при этом лапами прижимали к себе детёнышей.

Наконец вдали, там, где густая синева моря сходится с прозрачной синью неба, Сарли углядела высокую и острую коралловую скалу, к которой и направила свой путь.